

ТАМ, ЗА САЯНАМИ

ИНДИЙСКАЯ МОЗАИКА

(Часть вторая)¹

М. В. Монгуш²

THE INDIAN MOSAIC

(Part the second)

M. V. Mongush

Красота по-тибетски

Попав в среду тибетских беженцев впервые, я обратила внимание, что мужчины и женщины у них выглядят слишком простовато. Никакого изыска, лоска, изящных манер. Удивляло то, что тибетские женщины вообще не пользовались ни тушью, ни помадой, ни румяной, ни пудрой даже в минимальных количествах. Хотя в местных магазинах был самый широкий выбор косметических средств. Позже поняла, что у них просто нет такой культуры, следовательно, нет и привычки делать макияж.

Постепенно я стала привыкать к тибетскому типу красоты. Заметила, что среди них очень много по-настоящему интересных молодых парней и девушек. Последние были хороши без всякой

---

¹ Второй отрывок из рукописи автора «Индийская мозаика». Продолжение следует в № 3 журнала.

² Монгуш Марина Васильевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва; профессор Института туризма и гостеприимства - филиала Российского государственного университета туризма и сервиса. Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_6/1780-mongush-ind.html

косметики. Это была так называемая первозданная красота. К ней надо было привыкнуть, ее надо было понять и принять, что я со своей стороны и сделала.

Позже, находясь уже в России, из средств массовой информации узнала, что в Дхарамсале впервые проведен конкурс «Мисс Тибет». Отношение к нему у тибетцев было неоднозначным. Многие, особенно люди старшего поколения, не одобряли это новшество, в то время как молодежь восприняла более спокойно. Некоторые просто пребывали в шоке и не могли определить свое отношение к нему.

В самом первом конкурсе красоты участвовали только четыре девушки. Своим поступком молодые тибетянки вызвали огонь на себя, им пришлось выдержать не только шквал критики, но и массу осуждений. Однако, надо отдать должное девушкам: они с честью выдержали это сложное испытание.

К участницам конкурса предъявлялись следующие требования. Рост конкурсантки не должен быть ниже 165 см., она не должна состоять в браке и иметь детей. Она должна быть стройной, красивой, обаятельной, эрудированной и обязательно уметь себя преподнести. Ее возраст может варьировать от 18 до 26 лет.

Чтобы участвовать в конкурсе, девушками необходимо внести взнос. Однако приехавшие из Тибета, освобождаются от него — такова специальная льгота, предусмотренная для них.

Самой первой мисс Тибет—2002 как раз стала Долма Тцетринг, уроженка страны снегов. Став первой красавицей своей страны, она не остановилась на достигнутом: приняла участие еще в двух конкурсах международного уровня — в Малайзии и Мексике. В Куала-Лумпуре она стала «Мисс добрая воля», в Мексико ее национальный костюм был признан самым лучшим.

Видеть Долму в открытом купальнике в компании мисс Гонконг, Китай, Макао более чем непривычно, поскольку знаю тибетских женщин как очень стеснительных и консервативных, не любящих выставлять напоказ то, что, с их точки зрения, должно быть тщательно скрыто под *чупой* — традиционным женским платьем.

Следующими мисс Тибет 2003, 2004 и 2005 гг. стали Тцетринг Куи, Таши Янгчен и Тензин Ньима. Из них особенно хорошенькой мне показалась Таши Янгчен, мисс Тибет—2004. По ее светлой и гладкой коже, красивому разрезу глаз видно, что она родилась и выросла в Индии. Все-таки тибетянки Индии заметно отличаются от тибетянок Тибета. У последних в силу того, что они жили в иных, более суровых климатических условиях, кожа грубее, щеки покрыты вычурным ру-

мянцем, скулы шире. Однако горящие глаза, шикарные волосы и белозубая улыбка украшает тех и других в одинаковой степени.

Директором конкурса «Мисс Тибет» является Лобсан Вангъял, чья внешность выдает в нем незаурядную творческую личность. Этот смуглый, поджарый молодой мужчина с длинными вьющимися волосами, всегда одет в спортивный стиль, эдакий мачо под тибетским соусом. Темные очки, серьга в ухе, оригинальный перстень на пальце придает особый шарм его персоне. Я много раз видела Лобсана Вангъяла на улицах Дхарамсалы, лихо разъезжающим на модном мотоцикле. Таких как он среди тибетцев мало, он неординарный человек во всех отношениях. Наверное, таким и должен быть директор конкурса красоты. Есть кому нравится его участницам.

Лобсан Вангъял считает, что конкурс красоты прежде всего нужен будущему поколению Тибета, тем молодым девушкам, ко-

которые хотят проявить себя не только в пределах своей диаспоры, но и за ее пределами. Он верит, что красивые женщины Тибета могут сыграть положительную роль в решении тибетской проблемы в Китае, ибо краса-

та правит миром. Его точку зрения, к сожалению, разделяют не все. На то он и Лобсан Вангъял, чтобы бросать вызов обществу. Надо заметить, делает он это в весьма корректной форме.

Последней мисс Тибет стала студентка Делийского университета Тензин Ньима. Ей 22 года, она будущий дизайнер по ин-

терьеру. Девушка увлекается чтением, музыкой, танцами и баскетболом. Для членов жюри она показала красивый индийский танец, за который ее упрекнули соотечественники: почему индийский, а не тибетский? Тензин не растерялась и ответила: «Я ожидала, что мне зададут такой вопрос. Но это мой осознанный выбор. Мы, тибетцы, получили приют в этой стране, так почему бы мне в знак уважения к индийской культуре не станцевать индийский танец?». На вопрос, какие надежды она связывает со своей победой, Тензин ответила: «У меня появилась возможность сделать что-то полезное для своего народа. Буду представлять Тибет на других конкурсах и таким образом популяризировать богатую тибетскую культуру». Да, девушка политически грамотна, и надо полагать, морально устойчива.

Когда я спросила тибетянку средних лет, нравятся ли ей конкурсы красоты, она ответила незатейливо: «Женщина должна выйти замуж и рожать детей, а не выставлять свое тело на всеобщее обозрение». «А если Ваша внучка решит участвовать в таком конкурсе, что будете делать?», — спросила я ее. Тут женщина замешкалась, начала придумывать какие-то аргументы «за» и «против». Наконец сказала: «Что я могу сделать? Пусть участвует».

Вот такое оно противоречивое тибетское общество. Как и любое другое общество в мире.

В храме оракула

Скромная квартира, которую я снимала в Дхарамсале, находилась рядом с монастырем Оракула Далай-ламы XIV Нейчунги, откуда каждое утро доносились звон колоколов и песнопения буддийских монахов. Иногда я видела самого хозяина монастыря,

он всегда улыбался и вежливо здоровался. Кто он такой? И какую роль он играет в тибетском правительстве? На эти вопросы я хотела получить ответы. Неоднократные и длительные пребывания среди тибетцев позволили мне сделать это.

Традиция оракулов раньше была известна многим народам, но сохранилась она, пожалуй, только у тибетцев. У них с давних пор существуют мужчины и женщины, которые действуют как посредники между миром людей и миром духов. Их целью является не только предсказание будущего, как можно было бы предположить. Помимо этого, оракулы могут быть призваны как охранители, а в некоторых случаях к ним прибегают как к целителям. И хотя принято говорить об оракулах как о людях, это делается только для удобства. Согласно буддийской традиции они могут быть определены как «духи», которые входят в физические тела конкретных людей и через них общаются с миром людей.

Самые значительные из них – те, услугами которых пользуется тибетское правительство. Главным из них является оракул Нейчунга, через него вещает Дорже Дракден, один из божеств-хранителей Далай-лам. Когда Далай-лама IV (1617-1682) стал духовным и светским правителем Тибета, Дорже Дракден впервые установил с ним контакт. В честь него Далай-лама IV построил специальный монастырь и назвал его Дорже Драянг Линг; он был оформлен как официальная резиденция Государственного оракула Тибета.

Из более ранней истории оракула Далай-лама XIV сообщает следующее: «Нейчунг первоначально пришел в Тибет с преемником индийского святого мудреца Дхармапалы, поселившимся в Центральной Азии в местности, называемой Бата Хор. Во времена правления царя Трисонг Дрецена в VIII веке н.э. он был назначен покровителем монастыря Самье индийским тантрийским йогиним и высшим духовным охранителем Тибета Падмасамбхавой. Впоследствии Далай-лама вошел в самый тесный контакт с Нейчунгом, который к тому времени уже оказался близко связан с монастырем Дрейпунг, а после Дорже Дракдэн был назначен личным покровителем всех последующих Далай-лам» (Далай-лама, 1992: 212).

Нейчунга и Далай-лама в одинаковой мере несут ответственность перед тибетским народом, хотя и делают они это разными путями. Если задача Далай-ламы как лидера мирная, то задача Нейчунги как покровителя и защитника — грозная. Несмотря на то, что их функции похожи, отношения между Далай-ламой и Нейчунгом можно сравнить с отношениями капитана и лейтенанта: первый никогда не кланяется перед вторым, зато второй делает это всегда по отношению к первому.

К сожалению, во времена «культурной революции» в Китае монастырь оракула Нейчунги был полностью разрушен, а его монахи изгнаны из страны. Благодаря спонсорской помощи зарубежных гуманитарных организаций тибетцы восстановили монастырь в Дхарамсале. Он был официально открыт и освящен Далай-ламой XIV 31 марта 1985 г. В настоящее время в нем насчитывается свыше 70 монахов, возглавляемых Нейчунгой.

О предпоследнем и ныне действующем оракуле мне тибетские монахи рассказали следующее. Лобсанг Жигме, в тело которого во время транса входил Дорже Дракден, т.е. Нейчунга, был тринадцатым оракулом Далай-ламы. Он умер в 1984 г. в Индии, достигнув преклонного возраста и честно прослужив тибетскому народу.

В течение последующих трех лет монастырь жил без своего оракула, но его монахи по просьбе Далай-ламы многократно устраивали специальные церемонии, призванные вернуть его. Однажды во время очередной церемонии монах Тубтен Нгодуб, сидевший в толпе себе подобных, внезапно впал в транс. Согласно тибетской традиции это означало, что его телом овладел дух Нейчунга, который таким образом дал понять, что до тех пор, пока жив Тубтен Нгодуб, он будет приходить к ним через его тело.

О случившемся незамедлительно доложили Далай-ламе, он встретился с новым медиумом и дал ему, как полагается в таких случаях, несколько советов, в частности, пройти трехмесячный ритрит — особый вид буддийской медитации, помогающий подготовить ум и тело к контакту с духом. Официально Тубтен Нгодуб был признан Государственным оракулом Тибета с сентября 1987 года. Тогда ему было 29 лет.

Я жила в двух шагах от монастыря оракула и иногда общалась с Тубтеном Нгодубом, который в жизни был обычным человеком, не склонным к многословию, но всегда подчеркнуто вежливым и доброжелательным. Быть оракулом, по его признанию,

очень сложно, но он, тем не менее, счастлив служить в этом качестве своему народу. Особенно трудно ему дается восстановление физического тела после транса, когда в нем побывал дух Нейчунга.

Как-то я поинтересовалась у Тубтена, не происходили ли в детстве с ним какие-нибудь вещи, которые предвещали о таком будущем. Он сказал, что рос самым обыкновенным мальчиком, разве что иногда видел вещие сны. Об одном из них он рассказал следующее: «Я родился и вырос в той части Тибета, где вообще деревья не растут. Там только голые горы, да мелкие кустарники. В 1966 году, когда мне было 9 лет, моя семья была вынуждена бежать из оккупированного китайцами Тибета в Индию через Бутан. Накануне мне приснился сон: моя семья находится во дворе дома, который был выстроен в стиле, отличном от тибетского. Вокруг росли большие деревья, они были очень густые. Кругом цвели разноцветные цветы. Вдали виднелись высокие горы. Такого в Тибете я никогда не видел. Утром сказал отцу об этом сне, но он не придавал этому никакого значения. В глубоких сумерках мы добрались до селения Шишинган в Бутане, где жили тибетские беженцы. Нас приютила одна семья. Мы проспали ночь, утром я вышел на улицу и... увидел точно ту картину, что видел во сне. Я этот сон помню, как будто видел его прошлой ночью».

Известно, что способностью видеть вещие сны обладают многие люди, поэтому в самом этом факте нет ничего особенного. Однако этим даром в большей степени наделены люди чувствительные и утонченные, каким Тубтен Нгодуб бесспорно является.

Далай-лама советуется с Нейчунгом при решении особо важных дел. «Сам я встречаюсь с ним несколько раз в году, — пишет Далай-лама XIV. — Это может звучать неестественно для

западного читателя двадцатого века. Даже некоторые тибетцы, особенно те, которые считают себя «прогрессивными», имеют предубеждение против использования мною этого древнего метода получения информации. Но я делаю это по той простой причине, что ответы оракула всякий раз, когда я задавал ему вопрос, оказывались верными. Не хочу сказать, что полагаюсь исключительно на совет оракула. Вовсе нет. Я спрашиваю его мнения так же, как советуюсь с собственной совестью. Я считаю божеств своей «верхней палатой». Нижнюю палату составляет Кашаг (*Парламент* – М.М.). Как и всякий другой лидер, я консультируюсь с ними обеими перед тем, как принять решение по государственным вопросам. Иногда в дополнение к совету Нейчунга я принимаю во внимание определенные предсказания» (Далай-лама, 1992: 212-213).

В один из дней после Нового года оракул входил в транс. Эта традиция существует у тибетцев уже сотни лет. К сожалению, в это время я по срочным делам выехала в Дели и не

могла наблюдать эту уникальную церемонию, о которой знала только по книгам. Моей норвежской соседке Камилле Вадсет повезло в этом отношении больше, она видела действие «в живом исполнении». Ее описание полностью совпало с тем, что я нашла в «Автобиографии» Далай-ламы XIV: оракул был одет в причудливый костюм, состоящий из нескольких слоев нижней одежды, на которую сверху надето богато украшенное одеяние из золотой парчи. На груди – круглое зеркало в оправе из бирюзы и

аметистов, на его полированной поверхности был выбит текст мантры на санскрите, обращенной к Доржде Дракдену. Церемония началась с пения призываний и молитв. Через некоторое время оракул впал в транс, до этого момента его поддерживали специальные помощники, так все снаряжение на нем весило более 30 кг и он едва передвигался в нем. Постепенно лицо оракула стало меняться: сначала оно приняло совершенно безумное выражение, затем раздулось, глаза выпучились, дыхание участилось. Это означало, что Дорже Дракден полностью вошел в тело медиума. В этом состоянии оракул начал пританцовывать, легко справляясь с весом своего снаряжения. Как только дух закончил свое «общение» с людьми, оракул, т.е. монах Тубтен Нгодуб, оцепеневший и безжизненный, свалился на пол. Помощники поспешно вынесли его тело (Далай-лама, 1992: 214).

В состоянии транса оракул обычно делает предсказания: ему задают конкретные вопросы, он на них отвечает. Если ожидается что-то плохое, он об этом не только сообщает, но и может предотвратить это. И наоборот, усиливает положительное влияние благоприятных предзнаменований. Но никто не может знать, каким образом он это делает. Однако Нейчунга делает предсказания только глобального характера, например, о положении в мире, будущем тибетского народа, результатах переговоров между главами тибетского правительства и других стран и т.д. Он никогда не берется предсказывать будущее отдельного человека. С подобной просьбой к нему даже бессмысленно обращаться. Это подтверждает и сам Далай-лама: «Иметь дело с Нейчунгом задача не из легких. Надо затратить много времени и терпения во время каждой встречи, прежде чем он откроется. Он очень сдержан и суров,

именно таким вы могли бы себе представить знатного старика древности. Его не волнуют мелкие вопросы, но интересуют только большие дела, поэтому важно соответственно сформулировать вопрос» (Далай-лама, 1992: 213).

Как-то однажды я спросила его, не собирается ли он приехать в Россию, на что получила ответ: «Возможно, я буду сопровождать Его Святейшество Далай-ламу во время его поездки по России. Я уже несколько раз бывал в вашей стране. Когда впервые приехал к вам, в это было во время перестройки, очень сложно было разговаривать с людьми, сильно сказывались последствия атеистической идеологии. Но с тех пор многое изменилось, сейчас вы стали более открытыми и восприимчивыми к духовным знаниям. Поэтому мне есть о чем с вами говорить в следующий раз».

Беседы с Римпоче

Приезжая каждый раз в Дхарамсалу, я непременно встречалась с Богдо-гэгэном IX (Джебцун Римпоче), одним из иерархов тибетского буддизма, чье имя в России в последнее время получило широкую популярность. По просьбе российских буддистов он регулярно посещает нашу страну, чтобы дать очередное Учение или Посвящение.

В беседах он всегда был доброжелателен, откровенен, с удовольствием отвечал на все вопросы. А вопросы у меня возникали самые разные, но в основном они так или иначе были связаны с тем, чем занимаюсь профессионально — буддизмом.

Беседуя с Римпоче, обнаруживала, с одной стороны, насколько обширны и глубоки его знания, с другой, насколько они пока

необычны для нас, россиян. Собственно удивляться здесь не чему — Богдо-гэгэн является хранителем буддийского учения на протяжении нескольких жизней.

В тибетском буддизме, кроме Далай-ламы, признанного иерарха, есть еще несколько авторитетных и почитаемых личностей. Богдо-гэгэн Джебцун Дамба хутухта — один из них; его титул *Богдо-гэгэн* с монгольского переводится как «живой святой». В отличие от Далай-ламы, Богдо-гэгэн не облачен в монашеское одеяние, но тем не менее он считается одним из высших хранителей буддийского учения, прекрасным знатоком Сутры — философской основы буддизма и Тантры — практического аспекта учения. К нему также выстраивается бесконечная череда верующих, желающих получить благословение. И обращаются к нему не иначе как «Ваше Святейшество». Если нынешний Далай-лама является по счету четырнадцатой реинкарнацией в линии преемственности, то Богдо-гэгэн — девятой.

Институт Богдо-гэгэна, или Джебцун Дамба хутухты, традиционного главы буддизма в Монголии и сопредельных стран, получил широкую популярность еще во времена господства Алтынханов на территории Центральной Азии и Южной Сибири (XVI-XVII вв.). Линия богдо-гэгэнов считается линией перерождений известного тибетского философа и ученого Таранатхи Кунга Ньимо (1575-1637), изъявившего желание от жизни к жизни поддерживать учение Будды в Монголии. Известно предание о том, что однажды Таранатха, занимавшийся распространением буддизма в Тибете, спросил своих учеников, где должна произойти его следующая реинкарнация. Один из учеников, монгол по происхождению, попросил переродиться в Монголии. Позже Тара-

натха действительно переродился в Монголии, в ханской семье. Это был первый Джебцун Дамба хутухта (XVII – нач. XVIII в.), его коренным гуру был Далай-лама V, с которым у Богдо-гэгэна с тех пор сложилась сильная кармическая связь.

Метод опознавания перерожденцев, столь популярный в тибетском буддизме, уже в те далекие времена был тщательно разработан, так как впоследствии все далай-ламы, богдо-гэгэны и другие известные лица пользовались им при определении новых реинкарнаций, в том числе реинкарнаций друг друга. Тибетцы утверждают, что ныне здравствующие Далай-лама XIV и Богдо-гэгэн IX есть лишь новые перевоплощения тех самых исторических лиц, которые впервые встретились во времена Алтын-ханов. Кстати, они и сами не отрицают этого.

Интересные свидетельства о предыдущих воплощениях Богдо-гэгэна оставили его современники. Известно, что Богдо-гэгэн VII умер в 1871 г. Через несколько лет, как это принято, поисковая группа отыскала в Тибете по определенным признакам его новое воплощение. До четырех лет этот мальчик жил со своей матерью во дворце Далай-ламы. Потом его разлучили с ней и отвезли в Ургу (современный Улан-Батор), где его воспитанием и образованием занялись известные монгольские ламы. Достигнув совершеннолетия, глава монгольской буддийской церкви приступил к исполнению своих обязанностей.

М. Ф. Люба, много лет проработавший в Российском консульстве в Урге, писал в 1912 г., что хухутха «склонен к разгулу и безумному мотовству», у русских купцов скупает «целые склады вещей, решительно никому не нужных», имеет жену и сына Тойн-ламу, частенько выпивает и устраивает оргии. Однако не-

смотря на свои пороки он, как признают многие современники, был весьма способным политическим и государственным деятелем (см.: Белов, 1999: 53-54). Власть его носила не только духовный, но и светский характер, о чем свидетельствует изданный им указ, в котором религия и государство соединялись в единое целое. В его время в Монголии было установлено полное учение буддизма — Сутра и Тантра. Это позволило впоследствии причислить Богдо-гэгэна VIII к лику святых.

Вера монголов в могущество и величие Богдо-гэгэна VIII оставалась непоколебимой. Несмотря ни на что, в их благоговейном представлении он продолжал быть божеством, перед которым «можно только падать ниц в сознании своего ничтожества». Кутежи гэгэна, как отмечает известный русский востоковед А. М. Позднеев, нисколько не уменьшали его авторитет в глазах народа, который на всякую эксцентричность в его поведении смотрел как на нечто загадочное и все его поступки старался оправдать тезисом «святым дозволено все». Ученый был потрясен увиденным однажды поклонением верующих Богдо-гэгэну VIII. Оно совершалось на площади перед его резиденцией и длилось 5-6 дней (Позднеев, 1887: 563).

Толпа паломников, съехавшихся со всех концов некогда могущественной Монгольской империи, уселась «длинными рядами прямо от ворот гэгэновского дворца и в этом положении ожидала его появления». «Можно удивляться, — пишет А. М. Позднеев, — с каким благоговением смотрят все они в сторону, откуда должен появиться гэгэн народу, и какая тишина царствует во все это время, длящееся для некоторых иногда два и три часа». Столь высокую популярность Богдо-гэгэна VIII он объяснял так: «Сравнитель-

ная замкнутость и недоступность хутухты, равно как и та внешняя обстановка и величие, в которых он является народу, действуют на массу также поразительно. Вот почему о хутухте со всех сторон тянутся толпы поклонников» (Там же).

Паломничество в Ургу на поклонение Богдо-гэгэну Джебцу-ну Дамба хутухте было чрезвычайно распространено; обычно оно начиналось ранней весной и продолжалось до глубокой осени. Уезжали паломники группами в 10-15 человек и более. Отправляясь за тысячу верст, они, безусловно, тратили огромные средства на дорогу и ценные подношения главе монгольской церкви. Однако вернувшись домой, они чувствовали себя баловнями судьбы, получившими благословение от «живого святого».

Иногда сам Богдо-гэгэн совершал поездки в соседние страны. Так, в 1910 г. он был приглашен в Туву, где его уважали и почитали ничуть не меньше, чем в Монголии. Здесь он воспринимался не только как духовный наставник, но и как глава всех тувинских монастырей. Русский геодезист В. Родевич, проезжая через Хемчикский кожуун, где размещалась ставка тувинского правителя, свидетельствовал: «Для кормления и услуги гэгэна и его свиты и всего монастыря была назначена целая большая сойотская (*тувинская* – М.М.) деревня, гэгэну и его желаниям вообще отказа нет, он святой и сойоты доставляют ему скот и всякое добро для отвоза в Монголию именно столько, сколько он пожелает» (Родевич, 1912: 161).

Монгольская революция 1921 г. заметно, хотя и не сразу, пошатнула позиции Богдо-гэгэна VIII. Новый режим, решительно настроенный против духовных институтов власти, не без оснований опасался авторитетного главы церкви, а потому решил тихо и

незаметно отодвинуть его в тень. Сделать это оказалось не так просто, но все же возможно. Кроме того, Богдо-гэгэн VIII был уже не молод и не совсем здоров. В 1924 г. он скончался.

Центральный комитет Монгольской народно-революционной партии тут же официально уведомил Далай-ламу XIII о том, что не следует искать новое воплощение Богдо-гэгэна VIII, так как его роль в истории монгольского народа полностью исчерпана. Резиденция Богдо-гэгэна впоследствии была использована для размещения музейного комплекса.

Биография нынешнего Богдо-гэгэна IX не лишена драматиче-

ских коллизий. Родился он в 1932 г. недалеко от Лхасы в местности Тромтсикан. Когда мальчику было всего шесть месяцев, родители развелись. Отец вскоре женился на другой женщине, а маленького Намдола Чокьи Гьялцена (такое имя было дано ему при рождении) воспитывала мать. Взрослые неоднократно говорили ему, что он является реинкарнацией вы-

сокого духовного лица, носившего в предыдущей жизни титул Богдо-гэгэна. Специальной поисковой группой было установлено, что Чокьи Гьялцен, т.е. Богдо-гэгэн переродился у прежней родни. В его опознавании не принимал участия Далай-лама XIII, как этого требует традиция, т.к. к этому времени он умер и вместо него правил регент. Однако в безошибочности опознавательной

процедуры, как говорит сам Богдо-гэгэн IX, сомневаться не приходится, поскольку она выстроена таким образом, что ошибка полностью исключается.

— Когда я умер в прошлой жизни, — рассказывает Богдо-гэгэн IX, — остались в живых три человека, которые мне были очень близки и безотлучно находились рядом со мной. Один из них был моим лечащим врачом, двое других — слугами. Когда я вновь переродился и достиг трехлетнего возраста, их специально пригласили из Монголии в Тибет. Они привезли мои личные вещи, которыми я пользовался в прошлой жизни. Мне показывали их вместе с точно исполненными копиями, но я каждый раз выбирал оригинал. Но этого оказалось недостаточно, поэтому члены поисковой группы — ламы, обладающие ясновидением, — решили проверить, есть ли на моем теле особые знаки, подтверждающие, что я действительно являюсь реинкарнацией Богдо-гэгэна VIII. Такие знаки были найдены. Но и это было не все. Решили обратиться к двум оракулам Далай-ламы, чтобы каждый из них, войдя в транс, подтвердил или опроверг выводы поисковой группы. После специальной процедуры оракулы дали положительный ответ.

Слышать подобные признания от самого Богдо-гэгэна IX было чрезвычайно интересно, но мне все же хотелось узнать, как же возможно, чтобы маленький ребенок помнил что-то из своей предыдущей жизни. И Богдо-гэгэн IX рассказал следующий эпизод:

— Это случилось, когда я еще не умел говорить, но уже научился делать первые шаги. Взрослые однажды начали говорить о коммунизме, причем не в негативном, а в позитивном ключе. И в моем сознании всплыл опыт прежней жизни: коммунисты разрушают монастыри, устраивают гонения на монахов, заставляют

отказываться от своих убеждений и т.д. Я был свидетелем всего этого в конце своей прошлой жизни. Я заплакал, забился в истерике, потому что никому не мог рассказать о том, что чувствовал.

Дальнейшая судьба мальчика складывалась не так, как обычно у высоких перерожденцев. Семи лет его определили в известный монастырь Дрейпунг Гоман. Когда ему исполнился 21 год, он уехал в местность Таранатха, где поселился в монастыре предыдущих богдо-гэгэнов, фактически став хозяином этого монастыря. В 29 лет Чокьи Гьялцен покинул Тибет и поселился в Индии. 14 лет преподавал в монастыре Дарджилинг, потом судьба забросила его на юг Индии. Он женился и у него родились 5 мальчиков и 2 девочки. Он всех их поставил на ноги. Сейчас у Богдо-гэгэна IX семь внуков.

В начале 1990-х гг. ушла в мир иной супруга Богдо-гэгэна — верная спутница, надежный друг и незаменимый помощник в делах. В те же годы произошло другое событие в жизни Чокьи Гьялцена — его официально признали реинкарнацией Богдо-гэгэна Джебцуна Дамба хутухты. Когда Далай-лама XIV увидел, в какой нищете живет столь высокое лицо тибетского буддизма, он распорядился, чтобы для него в Дхарамсале построили резиденцию. На плечи Богдо-гэгэна была возложена ответственность за возрождение буддийского учения в Монголии, Бурятии, Калмыкии и Туве.

Особое благоговение к его личности испытывают монголы, в исторической судьбе которых Богдо-гэгэн сыграл выдающуюся роль. Правительство Монголии ведет сейчас в Улан-Баторе строительство роскошной резиденции для Богдо-гэгэна, чтобы таким образом восстановить справедливость, вернуть то, что было отнято.

Последний раз я наведальась в гости к Римпоче как раз тогда, когда он только что вернулся из России, где давал Посвящение в Авалакитешвару. О крепнущей его связи с нашей страной свидетельствовало большое количество россиян, обосновавшихся в его доме в качестве учеников. Многие из них свободно говорили по-тибетски и достаточно хорошо разбирались в глубинных аспектах буддийской философии.

Во время многократных встреч с Джебцун Римпоче, я уточняла тот или иной вопрос, который оставался для меня не полностью выясненным. Все, что он рассказал, кажется для меня, представителя официальной науки, не просто интересным и познавательным, но и чрезвычайно своевременным, ибо время для плодотворного диалога между наукой и буддизмом самое что ни есть подходящее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Далай-лама (1992) Автобиография Его Святейшества Далай-ламы Тибета. Свобода в изгнании. СПб.
Белов, Е. А. (1999) Россия и Монголия (1911-1919). М.
Позднеев, А. М. (1887) Очерки быта буддийский монастырей и буддийского духовенства в Северо-Западной Монголии. СПб.
Родевич, В. (1912) Урянхайский край и его обитатели. СПб.

Фото с сайтов: <http://www.asia-team.ru>, <http://savetibet.ru/>, <http://www.ng.ru>